(1)Капитан Сумсков бегло оглядел построившихся красноармейцев и, слегка волнуясь, сказал:
– Товарищи! (2)Получен приказ: занять оборону на высоте, находящейся за хутором, на скрещении дорог. (3)Оборонять высоту до подхода подкреплений. (4)Задача ясна? (5)За последние дни мы много потеряли, но сохранили знамя полка, надо сохранить и честь полка.

(6)Держаться будем до последнего!

(7)Пехотный полк выступил из хутора. (8)Звягинцев толкнул Николая локтем и, оживлённо блестя глазами, сказал:
– В бой идти со знаменем – это подходяще, а уж отступать с ним – просто не дай бог! (9)Как предполагаешь, устоим? (10)Николай решительно кивнул.
– (11)Надо устоять! (12)Около ветряной мельницы босой белоголовый мальчик лет семи, который пас гусей, подбежал поближе к дороге, остановился, чуть шевеля румяными губами, восхищённо рассматривая проходивших мимо красноармейцев. (13)А Николай пристально посмотрел на него и в изумлении широко раскрыл глаза: до чего же похож! (14)Такие же, как у старшего сынишки, широко поставленные голубые глаза, такие же льняные волосы… (15)Неуловимое сходство было и в чертах лица, и во всей небольшой плотно сбитой фигурке. (16)Где-то он теперь, его маленький, бесконечно родной Николенька Стрельцов? (17)Захотелось ещё раз взглянуть на мальчика, так разительно похожего на сына, но Николай сдержался: перед боем не нужны ему воспоминания, от которых размякает сердце. (18)И он вспомнит и подумает о своих осиротелых детишках не в последнюю минуту, а после того, как отбросят немцев от безымянной высоты. (19)А сейчас автоматчику Николаю Стрельцову надо плотнее сжать губы и постараться думать о чём-либо постороннем, так будет лучше… (20)Николай всё же не выдержал искушения, оглянулся: мальчик, пропустив колонну, всё ещё стоял у дороги, смотрел красноармейцам вслед и робко, прощально помахивал поднятой над головой загорелой ручонкой. (21)И снова, так же как и утром, неожиданно и больно сжалось у Николая сердце, а к горлу подкатил трепещущий горячий клубок. (22)Жара ещё не спала. (23)Солнце по-прежнему нещадно калило землю. (24)И вот наступили те предшествующие бою короткие и исполненные огромного внутреннего напряжения минуты, когда учащённо и глухо бьются сердца и каждый боец, как бы много ни было вокруг него товарищей, на миг чувствует ледяной холодок одиночества и острую, сосущую сердце тоску. (25)Танки повели с ходу пушечный огонь. (26)Снаряды ложились, не долетая высоты. (27)Первый танк остановился, не дойдя до группы терновых кустов, второй вспыхнул, повернул было обратно и стал, протянув к небу дегтярно-чёрный, чуть колеблющийся дымный факел. (28)На флангах загорелись ещё два танка. (29)Бойцы усилили огонь, стреляя по пытавшейся подняться пехоте противника, по щелям, по выскакивавшим из люков
горевших машин танкистам. (30)Придавленная пулемётным огнём, пехота противника несколько раз пыталась подняться и снова залегала. (31)Наконец она поднялась, короткими перебежками пошла на сближение, но в это время танки круто развернулись, двинулись назад, оставив на склоне шесть догорающих и подбитых машин.

(32)Откуда-то, словно из-под земли, Николай услышал глухой ликующий голос Звягинцева:
– Здорово мы их! (33)Пускай опять идут, мы их опять! (34)Николай зарядил порожние диски, попил немного противно тёплой воды из фляги, посмотрел на часы. (35)Ему казалось, что бой длился несколько минут, а на самом деле с начала атаки прошло больше получаса, заметно склонилось на запад солнце, и лучи его уже стали утрачивать недавнюю злую жгучесть.

(36)Ещё раз глотнув воды, Николай с сожалением отнял от пересохших губ фляжку, осторожно выглянул из окопа. (37)В ноздри его ударил тяжёлый запах горелого железа и бензина, смешанный с горьким, золистым духом жжёной травы. (38)Около ближайшего танка выгорала трава, по верхушкам ковыля метались мелкие, почти невидимые в дневном свете язычки пламени, на склоне дымились обугленные, тёмные остовы неподвижных танков. (39)Николай не услышал потрясшего землю, обвального грохота взрыва, не увидел тяжко вздыбившейся рядом с ним большой массы земли. (40)Сжатая, тугая волна горячего воздуха смахнула в окоп насыпь переднего бруствера, с силой откинула голову Николая. (41)Очнулся Николай, когда самолёты, с двух заходов ссыпав свой груз, давно уже удалились и немецкая пехота, начав третью по счёту атаку, приблизилась к линии обороны почти вплотную, готовясь к решающему броску. (42)Вокруг Николая гремел ожесточённый бой. (43)Из последних сил держались считаные бойцы полка; слабел их огонь: мало оставалось способных к защите людей; уже на левом фланге пошли в ход ручные гранаты; оставшиеся в живых уже готовились встречать немцев последним штыковым ударом. (44)Настигнув у самого оврага бежавших немцев, начали работать штыками Звягинцев и остальные, далеко отстав от устремившихся вперёд красноармейцев, тяжело припадая на раненую ногу, шёл сержант Любченко, держа в одной руке знамя, другой прижимая к боку выставленный вперёд автомат; выполз из разбитого снарядом окопа раненый капитан Сумсков…

(45)Опираясь на левую руку, капитан полз вниз с высоты, следом за своими бойцами. (46)Ни кровинки не было в его известково-белом лице, но он всё же двигался вперёд и, запрокидывая голову, кричал ребячески тонким, срывающимся голоском:
– Орёлики! (47)Родные мои, вперёд!.. (48)Дайте им жизни!

(*По М.А. Шолохову**)

*** Михаил Александрович Шолохов** (1906–1984) – русский советский писатель, киносценарист, журналист, военный корреспондент, лауреат Нобелевской премии по литературе.

Из предложений 34–35 выпишите один фразеологизм.